

«Разговорнике» фактического материала следовало также учитывать, что для записи турецкого текста была использована венгерская азбука, в которой нет знаков для ряда звуков турецкого языка. Все эти трудности, возникавшие при изучении текста, были успешно преодолены Г. Хазаи, для которого венгерский язык, как и венгерская графическая система, также являются родными.

Проверка фонетических и грамматических данных, которые добыты путем изучения транскрипционных текстов, записанных иностранцами на основе латинской, греческой, армянской, славянских и других буквенных систем, может быть осуществлена лишь на основе сопоставления их с текстами, написанными самими турками в соответствующие периоды времени. Однако этот само собою разумеющийся принцип теряет свою очевидность, как только мы вспомним, что тексты, написанные турками, как правило, отражают не народно-разговорный язык, лежащий в основе большинства транскрипционных текстов, а письменный литературный, который в XVII в. достиг высокой степени совершенства; кроме того, турки пользовались арабской графикой, которая крайне затрудняет определение фонетического облика турецкого слова.

В силу сказанного транскрипционные тексты могут быть использованы, главным образом, для исторической фонетики турецкого народно-разговорного языка, в тех случаях, когда имеются соответствующие указания о месте записи, — и для исторической диалектологии турецкого языка.

Прекрасно изданный и тщательно изученный Г. Хазаи труд Я. Н. де Харшани «Обыденные турецко-латинские разговоры» является еще одним напоминанием о том, что пришло время тюркологам, в первую очередь — османистам, предпринять определенные шаги к изданию корпуса турецких транскрипционных текстов и созданию на его основе, по единой схеме, свода данных по фонетике, грамматике и лексике всех этих текстов с генеральной задачей выявить обнаруживающиеся в них схождения и расхождения, привлекая для сравнения собственно турецкие письменные памятники.

Задача грандиозная, но реально выполняемая при условии объединения усилий специалистов, занимающихся изучением истории и современного состояния турецкого языка.

А. Н. Кононов

«Тюркологический сборник. 1971». — М., «Наука»,
Главная редакция восточной литературы, 1972. 290 стр.

Рецензируемый сборник, посвященный памяти выдающегося тюрколога В. В. Радлова, состоит из двух частей. Первая часть содержит статьи, в которых раскрывается значение трудов В. В. Радлова в разработке различных областей тюркологии; во второй части представлены материалы, продолжающие и развивающие тюркологические темы, исследование которых было в центре внимания ученого; это, прежде всего, морфологический строй тюркского слова, текстологические и лингвистические исследования древнеуйгурских текстов. Сборник оснащен хронологическим перечнем трудов В. В. Радлова и литературы о нем (стр. 261—279, составила Н. А. Дулина) и заканчивается сообщением В. Г. Гузева, Н. А. Дулиной, Д. М. Насилова о тюркологической конференции памяти В. В. Радлова, состоявшейся в Ленинграде 11—14 июня 1968 г.

Авторы статей первой части сборника — А. Н. Кононов, М. С. Сильченко, С. И. Вайнштейн, С. Г. Кляшторный, Э. Р. Тенишев, Л. Ю. Тугушева, А. М. Щербак, Д. М. Насилов, Г. Ф. Благова — единодушно выражая глубокое уважение и признательность великому

ученому, испытывая заслуженную гордость перед проделанной им работой, «которая, без преувеличения, под силу только целому коллективу опытных исследователей» (стр. 14), стремятся оценить изыскания В. В. Радлова в плане современного состояния отечественной тюркологии и, прежде всего, тюркского языкознания. Критически рассматривая теоретические воззрения ученого, отказываясь от того, что было в них «данью времени», авторы этих статей дают самую беспристрастную и адекватную оценку его трудов. Они доказывают, что В. В. Радлов принадлежит не только истории тюркологии: с ним связано ее современное состояние (неслучайно, в частности, что имя В. В. Радлова — в основе многих актуальных понятий, таких, как «радловская транскрипция», «радловская классификация», «до-радловская и радловская эпохи» в развитии тюркологии) и в известной мере — ее будущее, особенно если учесть на фоне раздвигающегося ныне сравнительно-исторического исследования тюркских языков, что едва ли не главной заслугой ученого признается в настоящее время утверждение сравнительно-исторического метода в тюркологии (стр. 14). Располагая

архивом ученого, авторы отдельных статей первой части сборника сообщают ценные сведения о некоторых сторонах творчества и жизни В. В. Радлова.

Радловская эпоха — это золотая эпоха открытия памятников, дешифровки рун, чтения древнеуйгурских текстов. При этом В. В. Радлов имел возможность своевременно публиковать собранные им тексты и свои исследования. В настоящее время, как справедливо отмечает Д. М. Насилов, множество из старых рукописей остаются все еще не изданными и, следовательно, практически не введенными в научный обиход, а опубликованные тексты — фольклорные и диалектные, добавим мы со своей стороны, по объему пока никак нельзя сравнивать с изданными В. В. Радловым. Конечно, послерадловский период характеризуется в качественном отношении более глубокими исследованиями, усовершенствованием методов текстологии и лингвистики. Однако неоправданно одно — снижение интенсивности издания текстов — старописьменных, диалектных, фольклорных, в которых так нуждается тюркология.

Сборник открывается статьей А. Н. Кононова «В. В. Радлов и отечественная тюркология» (стр. 7—15), где автор прослеживает основные моменты жизни, научного творчества и организационно-административной деятельности ученого на фоне развития тюркологии в дорадловский, радловский и послерадловский периоды. А. Н. Кононов определяет В. В. Радлова как пионера тюркской текстологии, создателя собственной школы тюркологов, более того — как родоначальника новой эпохи в тюркологии, ибо трудами В. В. Радлова, открывающими широкие научные горизонты и имеющими общетюркологическое значение, «... тюркология в целом — во всех ее основных филологических и лингвистических разделах поднялась на новую ступень, приобрела новое качество...» (стр. 13—14). Среди имеющих общетюркологическое значение концепций В. В. Радлова А. Н. Кононов называет его классификацию древнетюркских диалектов (языков), а среди тех, которые заслуживают самого пристального внимания современных тюркологов, — идеи его о природе агглютинации и происхождении аффиксов (стр. 12—13). А. Н. Кононов выражает сожаление, что некоторые из трудов ученого незаслуженно забыты (например: «Vergleichende Grammatik der nördlichen Türkischen Sprachen. I. Tl. Phonetik der nördlichen Türkischen Sprachen»; «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türkischen Sprachen», — см. стр. 10, 12).

Э. Р. Тенишев в статье «В. В. Радлов — фонетист и грамматист» (стр. 32—41) поставил перед собой задачу определить источники общелингвистических взглядов ученого и наметить основные направ-

ления его идей в области тюркской фонетики и грамматики. В статье показано, что В. В. Радлов как теоретик-лингвист следовал наиболее передовым взглядам своего времени. В его «Vergleichende Grammatik... I. Tl.» в строго продуманном порядке дается изложение вокалической и консонантной систем более двадцати тюркских языков. При этом центральное место в системе тюркского вокализма отводится гармонии гласных, которая рассматривается в плане как синхроническом, так и диахроническом (в частности, развивается мысль о морфологическом пути ее генезиса). В. В. Радлов первым высказался относительно консонантизма древнеуйгурского языка, положив в его основу «алтайскую» систему согласных; здесь Э. Р. Тенишев предлагает свой метод транскрибирования древнеуйгурских текстов, опираясь на систему согласных у современных тюркоязычных желтых уйгуров. В «Einleitende Gedanken...» агглютинация трактуется в связи с типологической классификацией языков, и в то же время В. В. Радлова занимает генезис агглютинативных единиц (аффиксов и основ). Примечательно, что морфологическая классификация языков, осуществленная ученым в этой теоретической работе, получила признание И. А. Бодуэна де Куртене.

Л. Ю. Тугушева в статье «В. В. Радлов — лексикограф и лексиколог» (стр. 42—53) подробно анализирует самый популярный труд ученого — «Опыт словаря тюркских наречий». «Опыт словаря...», задуманный как часть общего исследования по сравнительному изучению тюркских языков (тексты, словарь и сравнительная грамматика — последняя осталась незавершенной), благодаря единонаправленности всей работы отразил в себе морфологические, фонетические взгляды ученого. Л. Ю. Тугушева показывает, какими путями в «Опыте словаря...» решались те многочисленные проблемы, которые возникали при объединении в одном словаре (с целью сравнения) лексик разных тюркских языков, древних и новых, и в связи с этим останавливается на принятой здесь транскрипции, на алфавитной структуре словаря, на самостоятельной подаче фонетических и семантических вариантов слов одного гнезда. Подчеркивая огромное историко-лексикологическое значение «Опыта словаря...», Л. Ю. Тугушева отмечает, что общее состояние лексикографии того времени обусловило ряд недостатков: в словаре бывают отражены не основные, а вторичные значения слов; в словарной статье особо не выделены устойчивые сочетания; свободные сочетания перемежаются в ней с устойчивыми сочетаниями и фразеологизмами; фразеология фактически растворена в общей массе иллюстративного материала. Автор кратко характеризует также руко-

пись древнеуйгурского словаря, построенного на тех же принципах, что и «Опыт словаря...», и содержащего пласты лексик, отражающие весьма специфическую культуру.

А. М. Щербак в статье «В. В. Радлов и изучение памятников рунической письменности» (стр. 54—63) в хронологическом порядке рассматривает соответствующие издания ученого, которые включают в себя, как правило, помимо текстов с переводами и глоссариями, лексические и грамматические комментарии, подробные очерки графики и фонетики, первое, довольно полное описание морфологии, синтаксиса древнетюркского языка (стр. 58—60). Остановившись на полемике В. В. Радлова с В. Томсеном при интерпретации отдельных рун и толковании отдельных слов, А. М. Щербак показывает в целом положительное ее значение, так как она обусловливала поиски новых фактов, делала необходимым более тщательный анализ рунической графики. Такой компетентный современный эксперт по руническим памятникам, каким является А. М. Щербак, подтверждает правильность вывода В. В. Радлова относительно основной тенденции в эволюции тюркского консонантизма (развитие шло от глухих к звонким или от сильных к слабым), признает, что радловская классификация древнетюркских языков до сих пор не утратила научного значения, и выражает согласие с датировкой ученым рунических памятников.

Д. М. Насилов в статье «В. В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников» (стр. 64—101) подробно освещает плодотворнейшую деятельность ученого в области уйгурики. Его издания древнеуйгурских текстов чаще всего являлись самыми первыми: «Обильный приток новых текстов из Восточного Туркестана заставлял В. В. Радлова быстро их обрабатывать и публиковать, ибо ученый всегда стремился как можно быстрее сделать ценнейший языковой материал достоянием мировой науки» (стр. 77).

Опираясь как на опубликованные работы ученого, так и на его архивные материалы, Д. М. Насилов анализирует радловскую классификацию древнетюркских языков и диалектов и его взгляды на язык различных древнеуйгурских текстов из Восточного Туркестана, а также на его место среди других древних тюркских языков и диалектов. В. В. Радлов относил все тюркские языковые памятники к двум большим периодам и ареалам: 1) древнетюркские памятники Восточной Азии домонгольского времени и 2) среднетюркские памятники Средней и Западной Азии и Европы после распада монгольской империи; его классификация охватывала только первый период.

В основе концепции В. В. Радлова лежит положение о том, что «разговорные диалекты отдельных племенных групп,

подлежащие взаимному влиянию, и письменный язык (или языки), который имеет независимое от диалектов развитие в возвышающихся в течение времени различных культурных центрах, ... суть собственно несоизмеримые величины, которые должны рассматриваться с разных точек зрения» (цит. по статье Д. М. Насилова, стр. 94). Ясно сформулированные ученым задачи периодизации памятников древнетюркской письменности, установления хронологии и определения их языковой принадлежности, подчеркивает Д. М. Насилов, до сих пор остаются во многом не решенными.

В статье «В. В. Радлов и изучение тюркской топонимии в аспекте современных топонимических проблем» (стр. 102—131) Г. Ф. Благова стремится выявить, прежде всего, богатейший топонимический материал, сосредоточенный в трудах ученого, выделить его рабочие приемы, посредством которых он производил топонимический анализ собираемого им в полевых условиях материала (при этом автор не пытается представить В. В. Радлова топонимистом на современный лад) и, систематизируя разрозненные наблюдения, реконструировать постепенно складывавшиеся топонимические воззрения ученого.

Именно В. В. Радлов первым осуществил комплексный подход, с использованием приемов лингвистического, исторического и географического анализа, к изучению томско-чулымской гидронимии на *-sas/-säs* и т. д.; открыл особо важную роль гидронимов в сибирской топонимии, своими материалами непосредственно подводя к исследованию соотношений и взаимодействий между разными отделами тюркской топонимии; в «Опыте словаря...», приводя топонимические эквиваленты, бытующие у разных тюркоязычных народов, практически внес первую лепту в сравнительное изучение топонимии тюркоязычного региона. Материалы В. В. Радлова, как показала Г. Ф. Благова, в ряде случаев позволяют внести коррективы в построения современных топонимистов.

Обзор первой половины сборника был бы неполным, если бы мы не упомянули о статьях М. С. Сильченко «В. В. Радлов и изучение тюркского фольклора» (стр. 16—19) и С. И. Вайнштейна и С. Г. Кляшторного «В. В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов» (стр. 20—34).

Э. В. Севортян в статье «Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками (по данным тюркских языков)» (стр. 132—144) дает свое понимание слова, освещая две его «части»: лексическую основу (=единицу определенной части речи), с одной стороны, и состав, а также взаимоотношения грамматических морфем, образующих грамматический сектор слова, с другой. Обе

эти «части» слова различны и неразноценны по своей информационной роли и своей автономности в фонетическом, лексико-семантическом и грамматическом планах, а также по признаку постоянства — непостоянства. Э. В. Севортян останавливается на вопросе иерархии морфем в тюркском слове, воздействия семантики основы на сокращение морфемного состава грамматической части слова, а также экономии речевых средств за счет подобного сужения. В качестве приложения приведены некоторые разновидности морфологического строения слова — именного (или номинализованного) и глагольного. Очень важны поправки автора к положению о моносемантической функциональности морфем при агглютинативном строе (в тюркских языках, в частности, см. стр. 139 и сл.).

Содержание второй статьи Г. Ф. Благовой «Тюркск. *чагатай* — русск. *чагатай* — *джагатай*» (Опыт сравнительного изучения старого заимствования) (стр. 167—205) далеко не охватывается ее заглавием. Здесь прослеживается история и семантическая эволюция слова *чагатай* — в тюркских языках (антропоним — «эпоним» и регионально-государственное обозначение, обозначение особого историко-культурного комплекса, — отсюда последующие ответвления: топоним, микроэтноним, обозначение литературно-письменного языка), а также история этого заимствования в русском языке, причем устанавливается правильное чтение термина *чагатай* — и предлагается не отождествлять термины «староузбекский» и «чагатайский», имея в виду большую поливалентность последнего. Как и в других своих статьях по этой тематике, автор пытается упорядочить существующую в русском языке тюркскую этнонимо-лингвистическую терминологию. Этой статьей делается первое серьезное уточнение также в отношении ареала, функций и истории чагатайского языка. Фактически это введение в изучение чагатайского языка. Заслуживают внимания подстрочные примечания Г. Ф. Благовой, где она критикует тенденциозное отношение к средневековым тюркоязычным памятникам и особенно — произвольность их транслитерации и чтения с ориентацией на современные тюркские литературные языки.

В. Г. Гузев в статье «О ярлыке Мехмеда II» (стр. 227—243), описывая язык ярлыка XV в., написанный уйгурским и арабским алфавитом и изданный Р. Р. Аратом, характеризует его как среднеазиатский тюркский литературный язык, по традиции применявшийся в межгосударственной корреспонденции XIV—XV вв. Привлекая к сравнению ярлык Тимура-Кутлуга и один из двух стамбульских списков «Атебет ул-хакаик» и находя там общие с исследуемым ярлыком графиче-

ские особенности, В. Г. Гузев делает важный для решения вопроса о формировании анатолийско-тюркской письменности вывод о том, что «уйгурское письмо в Малой Азии имело очень специфическое применение и находилось за пределами собственно османских литературных и письменных традиций» (стр. 242).

Продолжая традиции В. В. Радлова, Л. Ю. Тугушева во второй статье «Ярлыки уйгурских князей из рукописного собрания ЛО ИВ АН СССР» (стр. 244—260) публикует черновые записи трех посланий-ярлыков, различных по своему назначению, придерживаясь при этом единой радловской схемы, применявшейся им при издании письменных памятников: в статье дается факсимиле ярлыков, реконструкция текста и перевод, а также указатель слов и морфологический указатель вместе с историко-лингвистическим комментарием.

В статье Л. П. Потапова «Тюльберы енисейских рунических надписей» (стр. 144—166) этот этноним анализируется как компонент того комплекса терминов-этнонимов, которые зафиксированы в этих надписях и которые отражают древний этнический состав населения в пределах современной Тувы.

И. В. Стеблева выступила в рецензируемом сборнике с двумя статьями — «Синкопирование слов в поэтических текстах „Диван лугат ат-турк“ Махмуда ал-Кашгари» (стр. 206—212), в которой содержится дополнительная аргументация к ее книге «Развитие тюркских поэтических форм в XI веке» (М., 1971), где впервые было высказано мнение о наличии аруза в памятниках древнетюркской письменности, и «К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы» (стр. 213—226), в которой указанная система анализируется в плане бинарных семантических противопоставлений.

Позволим себе сделать некоторые замечания. Э. Р. Тенишев не разделяет точку зрения В. В. Радлова, считавшего невозможным соответствие $\tilde{a} \sim i$ в языке с гомогенной системой. Не правильное ли, однако, говорить о колебании $\tilde{e}/e \sim i$? Не относимся ли мы слишком благосклонно к $\tilde{a}$? Различают $\tilde{e}/e$ и $\tilde{a}$ только азербайджанологи, М. Мансуроглу в староанатолийско-тюречском языке, Я. Экманн в варненском и Ж. Какук в казанлыкском тюречских говорах, а также некоторые другие. Заметим также, что $\tilde{a}$ предполагает колебание $\tilde{a} \sim a$ (например: тюречк. *fas-lā/fas-l'a* «фасоль»). Можно ли смотреть на колебания $\tilde{a} \sim i$ (точнее: $e \sim i$), $o \sim u$, $\tilde{o} \sim \tilde{y}$ как на проявление тенденции, связанной с «общим стремлением к уменьшению подъема, ведущим к частичному совмещению признаков и, следовательно, к ослаблению прежних фонологических значимостей» (стр. 39)? Можно утверждать и обратное: что эти коле-

бания — реликты, указывающие на позднюю кристаллизацию тюркских гласных. По-видимому, подобную точку зрения разделяет и А. М. Щербак, подчеркнувший, что «В. В. Радлов, в отличие от некоторых современных исследователей, не поддался иллюзии в отношении бедности древнетюркского вокализма...» (стр. 60).

В статье Э. В. Севортяна выражение «грамматическая же часть слова всегда непостоянна...» (стр. 136) можно неверно понять в смысле непостоянства связи грамматической части с лексической (поскольку грамматическая часть является самой стабильной в языке). Спорным представляется вопрос о «грамматической

редукции» в сочетании $at \frac{б}{м} \text{ин-}$ вместо

$at \frac{ка}{а} \frac{б}{м} \text{ин-}$ «ездить на коне» (стр. 141) —

они, по нашему мнению, не идентичны: первое выражает обобщенное понятие и может в таком виде фигурировать в словарях, второе — синтаксическое сочетание. То же можно сказать и о сочетаниях $qur \text{ } \check{c}e\check{c}ek/\check{s}e\check{c}ek \sim qur \text{ } \check{c}e\check{c}egi/\check{s}e\check{c}egi$ «польский цветок».

Г. Ф. Благова во второй статье допускает, что *джагатай-* в русском языке появляется позже, чем *чагатай-*, и именно книжным путем. Это может быть верно для исследуемого слова. Но следует учесть и колебания $ч \sim дж$ вообще (ср. *Джучи/Чучи*, сын *Джэнгизхана/Чингизхана*; ср. еще тюркизмы — графические дуб-

леты в иранских языках, а также тюркизмы с начальным *дж-* в современном болгарском языке).

Л. Ю. Тугушева в статье о древнеуйгурских ярлыках пытается объяснить слово *jultuz* как географическое, со значением «плоскогорье (?)» (например: *basmil-ıy jultuz-qa  n r is r...* «...если басмылы пойдут в направлении Юлтуза...» — стр. 247, 248). В комментарии автор предполагает, что речь идет о плоскогорье Юлдуз, но допускает также, что этот топоним может обозначать водоем, сравнивая с *Julduz k l* — названием озера у Махмуда Кашгарского. Но не понимается ли под этим словом «север», как в современном турецком языке (морской термин), где имеется в виду Полярная звезда?

В целом можно с полным правом сказать, что «Тюркологический сборник. 1971» посвящен не только исследованию научного творчества В. В. Радлова — его значение гораздо шире. Прежде всего, сборник свидетельствует о стремлении советских ученых восстановить из забвения тюркологическое наследие и пересмотреть некогда нигилистическое отношение к старым работам. Можно только приветствовать удачные попытки восстановить в научном обиходе, а также привлечь внимание специалистов к мало используемым до сих пор богатейшим материалам, собранным В. В. Радловым.

М. Моллова

«Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник». Сост.: К. С. Горбачевич, Г. А. Качевская,

А. М. Невжинская, М. Г. Николаева, Ф. Д. Первозчикова, В. Н. Сергеев, Н. В. Соловьев, Е. Н. Толикина, В. П. Фелицына, И. Н. Шмелева.

Ред. К. С. Горбачевич. — Л., ЛО изд-ва «Наука», 1973. 518 стр.

Выход в свет обширного словаря трудностей, подготовленного в словарном секторе Института русского языка АН СССР, — важное событие в отечественной лексикографии. Появление подобных справочников вызвано общественной необходимостью — повышением культуры народа и все возрастающим интересом к работе языковедов в области культуры речи. Возможности для такого издания в значительной мере обеспечены достижениями русской советской лексикографии: созданием целой системы различных по объему и задачам толковых словарей, появлением в последние годы таких пособий, как словари синонимов, новых слов и значений и др. Трудности составления такого словаря во многом объясняются отсутствием систематического описания стилей современного русского языка, общей неразработанностью теоретической и практической стилистики. Известно, что в

этой области нет пока даже общепринятых терминов и обозначений.

Первым опытом словаря трудностей был у нас словарь-справочник «Правильность русской речи» (сост. Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов, под ред. С. И. Ожегова, М., 1962, 2-е изд. — 1965). Позднее вышло еще два кратких справочника¹. Все они отмечали главным образом факты современной газетной и устной разговорной речи, ограниченно использовали материалы художественной литературы.

¹ «Краткий словарь трудностей русского языка», М., 1968; «Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка», М., 1969. О дореволюционных справочниках см.: «Проект словаря-справочника „Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка“», Л., 1969, стр. 3—5 (далее — Проект).